

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова**Проблема народности в лекционных курсах Ф. И. Буслаева**

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России

В статье анализируется преподавательская деятельность Ф. И. Буслаева на историко-филологическом отделении философского факультета Московского университета. Отмечается, что он включился в этот процесс будучи уже признанным специалистом в области сравнительно-исторического языкознания; подчеркивается, что свои лекционные курсы Буслаев выстраивал на основе собственных научных достижений. Он решительно отошел от «аристократической направленности» в преподавании курсов словесности, характерной для его предшественников, основу которых составляло обращение к светилам первой величины – Данте, Шекспиру, Ломоносову. Свой курс русской словесности Буслаев начинал с ее древнейшего этапа – этапа формирования русской народности. Он акцентировал важность изучения всего корпуса памятников русской народной словесности, называя их выражением духовных интересов народа, свидетельствами его «умственного развития». Буслаев выступал приверженцем новой для его времени идеи – идеи установления диалога с далекими предками через проникновение в глубины их сознания, духовный мир, познание картины мира людей отдаленных исторических эпох. Ученый был убежден в том, что в народном предании нет ничего произвольного и случайного, потому что оно отражает цельность народного быта и нравственно чистого общенародного мирозерцания. Подчеркивается, что Буслаев четко различал произведения народной словесности как результат безыскусного народного творчества от позднейшей письменной, или «искусственной», литературы, представляющей собой результат личного знания и таланта автора, его авторской фантазии.

Ключевые слова: университет, лекционные курсы, история русской средневековой литературы, народность, народная словесность, духовные интересы народа, произведения «народного духа»: миф, сказка, пословицы, поговорки, предания; индоевропейские эпические предания, мифологическое сознание народа, эволюция народной культуры.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova**Problem of National Spirit in F. I. Buslaev's Lecture Courses**

In the article F. I. Buslaev's teaching activities in the Historical and Philological Department of the Philosophical Faculty of Moscow University are analyzed. It is noted that he joined this process being already an acknowledged specialist in the field of Comparative-Historical Linguistics; it is emphasized that Buslaev made his lectures based on his own scientific achievements. He departed resolutely from «aristocratic orientation» in teaching courses of literature, typical for his predecessors, its basis was constituted by the appeal to stars of the first size – Dante, Shakespeare, Lomonosov. Buslaev began his course of the Russian literature with its most ancient stage – a stage of formation of the Russian nationality. He accented importance to study the whole collection of monuments of the Russian national literature, calling them as expression of spiritual interests of the people, provements of its «intellectual development». Buslaev acted as an adherent of the idea, which was new to his time, – the idea of establishing the dialogue with far ancestors through penetration into depths of their consciousness, inner world, knowledge of the world view of people of the remote historical eras. The scientist was convinced that in the national legend there are no spontaneous and accidental things because it reflects integrity of the national life and morally pure public world view. It is emphasized that Buslaev distinguished thoroughly works of national literature as a result of unartful folk art from the latest written, or «artificial», literature representing the result of personal knowledge and talent of the author, his author's imagination.

Keywords: university, lecture courses, history of the Russian Medieval Literature, nationality, national literature, spiritual interests of the people, work of «national spirit»: myth, fairy tale, proverbs, sayings, legends; Indo-European epic legends, mythological consciousness of the people, evolution of national culture.

Широко распространенное в середине XIX в. увлечение народностью диктовалось не только общественными настроениями и идейной атмосферой, царившими тогда в России. Приступив к преподавательской деятельности на историко-филологическом отделении философского факультета¹, Ф. И. Буслаев окупился в ту академическую среду, организационные устои которой и формат учебной деятельности были сформированы уставом 1835 г. Университетское образова-

ние 30–40-х гг. отказывалось от заимствованных европейских традиций и приобретало национальный характер, что корректировало с пропагандировавшейся Министерством народного просвещения охранительной (от «пагубных» зарубежных веяний) идеологией. Вместо прежних кафедр «красноречия, стихотворства и языка российского» учреждались кафедры российской словесности и истории русской культуры, истории и литературы славянских наречий; появились

кафедры российской и всеобщей истории [22, с. 74].

Ф. И. Буслаеву, уже имевшему известность в ученом мире, было поручено разрабатывать курсы лекций по абсолютно новым для университетов дисциплинам: сравнительной грамматике, истории русского языка в связи с другими славянскими наречиями, древнерусской литературе и народной словесности [28, с. 44]. Его научные приоритеты удивительно точно совпадали с новыми направлениями академической деятельности историко-филологического подразделения Московского университета. Так Ф. И. Буслаев оказался в гуще процесса подготовки новейших учебных курсов и рабочих программ к ним.

С конца 40-х гг. он читал курс сравнительной грамматики индоевропейских языков, который в связи с разработанным им сравнительно-историческим методом сразу же превратился в курс сравнительно-исторического языкознания.

Главную задачу в преподавании этой дисциплины Ф. И. Буслаев видел в том, чтобы, опираясь на древнейшие письменные памятники и учитывая неравномерность развития языков, установить, какие индоевропейские и общеславянские черты сохранились в русском языке или были утрачены им, и объяснить формы современного русского языка [23, с. 137; 27, с. 16].

Лекции по истории русского языка (в связи с прочими славянскими наречиями [7, с. 366]) основывались на самостоятельно проведенных Ф. И. Буслаевым исследованиях обширного круга памятников древнерусской письменности и народного творчества. Он также черпал нужную ему на лекциях информацию из своих собственных, уже опубликованных или готовившихся к печати, трудов и, кроме того, продолжая собирать и изучать рукописное наследие, вводил новые факты в создававшиеся им работы по языкознанию [26, с. 29]. Самую громкую славу из языковедческих исследований 50-х гг.² ему принесла «Историческая грамматика русского языка»³.

С конца 50-х гг. главным направлением интеллектуальной активности ученого, достигшего статуса «высшего авторитета в области филологии» [26, с. 29], становится история литературы [26, с. 54], и этот новый фокус его исследовательских интересов опять объединил прочными узами научную и преподавательскую деятельность Ф. И. Буслаева. В «Воспоминаниях» он особо выделил аспект эффективного содружества своей аудиторной работы и кабинетных научных штудий: каждый вид его интеллектуального –

научного и педагогического – труда находил себе опору и черпал стимулы в другом, сливаясь в целенаправленное постижение всей глубины проблемы народности [7, с. 365; 17, с. 226, 227].

До введения университетского устава 1863 г., по которому для преподавания курса истории западноевропейской литературы была учреждена специальная кафедра, Ф. И. Буслаеву приходилось читать лекции и по русской, и по иностранной литературе, преимущественно эпохи Средневековья [7, с. 367]. Руководствуясь «одной господствующей идеей» и излюбленным сравнительно-историческим методом, он построил свой курс на сопоставлении «русской старины» с близкими по историко-типологическим признакам произведениями европейской «средневековой старины». К примеру, комментировал «господствующую идею» Ф. И. Буслаев, «я читал целый курс о русском богатырском эпосе и потом так же подробно знакомил своих слушателей с испанскими романсами о Сиде и с древнефранцузской поэмой, или песней, о Роланде» [7, с. 367].

История русской «и вообще средневековой литературы, – рассуждал он, – такой обширный и всеобъемлющий предмет, что я не иначе мог распорядиться им в своих университетских лекциях, как раздробляя его на специальные курсы, которые ежегодно менял по мере того, как вдавался все дальше и глубже в новые исследования по русской старине и народности. Поэтому, чтобы не растерять бесследно с большим трудом собираемые мною факты, я не ограничивался в приготовлении к лекциям голословными программами, а писал в мельчайших подробностях все, что буду излагать своим слушателям. Вместе с тем, – далее делится он своими профессиональными секретами, – желая популяризовать свою науку через посредство журналов и разных периодических сборников, я извлекал для печати из своих лекций монографии, иногда довольно объемистые, в которых опускал слишком специальные подробности, необходимые и наставительные для студентов, но невразумительные и скучные для большинства образованной публики, не подготовленной интересоваться лингвистическими и филологическими тонкостями» [7, с. 335].

Эту уникальную способность Ф. И. Буслаева «влиять университетским преподаванием» сразу и «на нашу научную литературу... и на историю просвещения» оценил В. О. Ключевский, когда в 1861 г. стал студентом Московского университе-

та. Большая часть того, что он [Буслаев. – М. Н., Т. II.] повторял в аудитории из печатного, – вспоминал будущий великий историк, – была недавно напечатана им же самим. Многие, что он сообщал своей аудитории, студент узнавал раньше читателя... Ученикам его часто приходилось первыми усвоить его идеи, новые факты, приемы их изучения... Многие исследования, появившиеся потом в печати, составлялись из курсов, читанных им в университете» [17, с. 223, 224].

Курс истории русской литературы, разработка и чтение которого были поручены Ф. И. Буслаеву, преподавался на словесном отделении уже более двадцати лет, но за этот совсем не малый срок едва ли смог перерасти «тесных пределов изящной словесности» [7, с. 337]. Так он называет господствующий в 30–40-х гг. «теоретический (эстетический) метод» [24, с. 11] изучения истории литературы, которым, к примеру, руководствовался предшественник Ф. И. Буслаева, его учитель И. И. Давыдов.

Оторванный от «благотворного исследования фактов», этот догматический и априорный метод навязывания сознанию студентов «готовых формул», имел, по мнению ученого, немало «теоретических погрешностей». Он базировался на «устаревших взглядах... Шлегеля, Вильмена, Сисмонди и на некоторых скудных результатах философии искусства» [12, с. 402], насаждал в учебный процесс дедуктивные приемы абстрактно-нормативной эстетики, был чужд принципа историзма [24, с. 11].

«Самое злое и вредное» в догматическом эстетизме, по убеждению Ф. И. Буслаева, заключалось в его «аристократической» направленности: преподаватель, как и исследователи, обращался к «светилам первой величины – выставял великие достоинства Данте и Шекспира, Ломоносова или Державина и с высоты своего эстетического трибунала, вооруженный мнимой беспристрастной критикой, величаво раздавал мелкие награды прочим писателям». Кроме того, образцовые «академические произведения» изучались вне связи с историко-литературной традицией, а «господствующее настроение целых народных масс» просто игнорировалось. «Выспренние взгляды» высокомерных теоретиков-критиков «были выше и нашей старины и народности», поэтому они «возбуждали» у аудитории то же презрение к «своеземному», подготавливали общественное мнение к тому, что историю русской литературы «можно составить» на изучении «позднейших писателей... без основательного

знания нашей древней литературы и без живейшего сочувствия к народной словесности» [12, с. 402, 404].

Ф. И. Буслаев, прослушавший в студенческие годы курс истории русской литературы С. П. Шевырева, казалось бы, мог воспользоваться работами уважаемого им преподавателя: «История поэзии» (1835), «Введение в историю русской словесности» (1844), «История русской словесности, преимущественно древней» (1846). Однако, похоже, для него они были полезны лишь в историографическом аспекте, так как, по отзывам одного из учеников Ф. И. Буслаева, Е. А. Ляцкого, в историю литературы тех лет «по неопределенности метода и скудости содержания... вносилось все, в чем можно было встретить хотя бы малейшее упоминание о нашей письменности. События политические, церковные, юридические учреждения, анекдоты и даже известия медицинские – все это, направленное к целям душевспасительным, возводилось к одному высшему началу, которым и умиралась нескладница такого свалочного магазина разнородных вещей. Источником ученого вдохновения бывали при этом чувства патриотического...» Народной словесности, содержащей «главные основы национальности», в этом «магазине истории русской литературы» не было и в помине, отмечал Е. Ляцкий, потому что, в отличие от понятий «народ» и «народность», в научном лексиконе даже не существовало дефиниции «народная словесность» [18, с. 129, 130, 133].

Из этих оценочных суждений следует, что в университетах середины XIX в. не существовало научно обоснованных подходов к содержанию лекционного курса истории русской литературы и способам изучения этой учебной дисциплины. Не был определен предмет исследования, оставались не выясненными хронологические рамки курса, обосновывающие его объем и содержание; преподаватели, лишённые инструкций и руководящих пособий, чувствовали себя беспомощными наставниками студентов, а отсутствие четких представлений о предназначении и научных приемах изучения курса подменяли нелепыми рассказами, украшенными высокопарным стилем⁴.

Задумав читать историю русской литературы с ее древнейшего этапа – времени формирования народности (а не с эпохи Петра Великого, как это делал И. И. Давыдов [7, с. 122]), Ф. И. Буслаев не мог воспользоваться ни работами Н. Полевого и П. Милюкова, находившими в народной поэзии только «грубость и невежественность» [18,

с. 131], ни сочинениями именитых отечественных филологов И. П. Сахарова и И. М. Снегирева, которые объясняли происхождение и первоначальные формы народной словесности чужеземными заимствованиями [18, с. 136].

В сложившейся ситуации Ф. И. Буслаев мог рассчитывать только на свои знания и опыт, приобретенные в сравнительно-историческом языкознании и культурно-историческом исследовании народного духа в доисторический период существования русской народности. Концепция его курса истории русской литературы заключалась в выяснении «главнейших основ национальности» на материалах народной словесности, что для академической среды середины XIX в. явилось «настоящим откровением» [18, с. 136].

Основополагающая идея истории русской литературы, по словам Ф. И. Буслаева, заключалась в обосновании непреходящей ценности всего корпуса памятников словесности, которые служат «выражением духовных интересов народа», свидетельствами его «умственного развития» [7, с. 330].

Эта же – новая для его времени – идея (установление диалога с далекими предками через проникновение в глубины их сознания, духовный мир, познание картины мира людей отдаленных исторических эпох) была приоритетной при разработке курса истории литературы, который сейчас назывался бы «всемирной» или «всеобщей литературой». «Сила этой науки состояла, – по мнению Ф. И. Буслаева, – в последовательном воспроизведении идей и убеждений развивавшегося в течение веков человечества, в духовном общении с веками и поколениями посредством самого верного проводника идей, то есть посредством слова» [6, лекция 1, с. 102]. Основанная на доказательстве принципа непрерывного развития, «история литературы в хронологическом порядке знакомит нас с произведениями словесности, устными и письменными, в которых народ в течение веков последовательно выражал свои понятия и убеждения, радости и печали, верования и вообще все душевные интересы своей нравственной жизни», – пояснял он свои замыслы [6, с. 100].

История литературы не претендует на «перенесение учащихся в отдаленные эпохи», к чему отчаянно стремились писатели и ученые романтической «школы», и он в том числе, в недалеком прошлом. Избавляясь от своих иллюзий, связанных с постижением прошлого при помощи инту-

иции, Ф. И. Буслаев признает научное и воспитательное значение этой дисциплины в «приуготовлении» каждого образованного человека к «полному уразумению современности»: безошибочном отсеивании «истинного от ложного, существенного от случайного, вечного от ничтожного» [6, с. 101, 102].

Ошибочному и методически безграмотному способу изучения этой дисциплины – «общим обозрениям и поверхностным характеристикам» произведений – Ф. И. Буслаев предпочел «личное знакомство учащегося» с литературными памятниками и внимательное их изучение [7, с. 337]. В «прямом, непосредственном сношении» студентов с подлинниками произведений словесности он видел «все существенно важное в истории литературы» [6, с. 100], а для того, чтобы не нарушить «полноты и свежести первого впечатления, не повредить уразумению мысли, таящейся» под покровом формы литературного произведения, советовал соблюдать непредвзятость и тактичность при разборе источников. «Всякая ученая характеристика в истории литературы, – по его мнению, – как бы мастерски она ни была составлена, отзывается не только личностью ее составителя, но и посторонними воззрениями и понятиями того позднейшего времени, к которому он принадлежит». Это «заслоняет перед учащимися разнообразное, но последовательное течение исторической жизни, выраженной в литературной деятельности народа, и уже тем самым уничтожает всю полноту, какую может и должна приносить история словесности в образовании человека», – со знанием дела утверждал он [6, с. 100, 101].

Прослушавший в начале 60-х гг. новый учебный курс В. О. Ключевский сумел подметить те выгодно отличавшие его от предыдущих опытов преподавания нюансы, которые соответствовали авторскому замыслу: «В его учебном плане история литературы получила новый, научный склад и характер: из критико-библиографического обзора отдельных памятников письменности без внутренней связи... история словесности превращалась в изображение течений литературного творчества с указанием их народных источников, картину стройного и последовательного развития народного духа и быта, насколько тот и другой отразился в памятниках устной и письменной словесности...» [17, с. 227].

Концептуальная часть университетской дисциплины «история литературы» утверждала и развивала те теоретические положения, которые

Ф. И. Буслаев уже начал транслировать с первой половины 40-х гг.

История литературы – это отраженная в памятниках словесности история духовной жизни народа, история подлинно народного мирозерцания, история идей и убеждений, понятий и воззрений, определявших нравственные устои, семейный уклад, бытовую и правовую культуру народа на протяжении всего периода его существования, начиная от той древнейшей, первобытной, эпохи, когда только стала оформляться сама народность [12, с. 401, 403–405; 15, с. 60].

Язык, мифология и народная поэзия, обычаи, нравы, традиции, нормы обычного права – это «сокровенные основы национальности», появившиеся еще в доисторическое время [14, с. 1]. Национальность, или «физиогномия народа», – это те «характеристические его особенности», которые имеют «своим источником неизменные основные свойства души человеческой» [8, с. 252]. Народ как «масса людей, соединенных общими нравственными и физическими узами, определяет свою национальность всем тем, что в течение незапамятных лет накопилось в его духовной жизни, в его быте, нравах и обычаях» [5, с. 357].

Современная литература и искусство, эстетические воззрения, философские учения, успехи в просвещении и образовании соотносятся с исторически укорененными процессами формирования и развития национальной культуры: они стоят на прочном основании «родной старины», «священного предания» [12, с. 404; 14, с. 1].

Национальное самосознание обуславливается не столько настоящим, сколько прошедшим; настоящее есть только последняя страница великого – для формирования незыблемых основ национальной культуры – прошлого [5, с. 357], а оно может быть понято только тогда, когда будет восстановлен исторический путь, пройденный народом, и изучены «неизменные основные свойства души человеческой... общие всему человечеству», которое в «своем младенчестве» имеет «общие законы развития духа» [8, с. 252; 13, с. 309].

Теряющееся в доисторической глубине прошлое русского народа восходит к «незапамятной старине» индоевропейской эпохи, когда все родственные народы этой языковой семьи жили еще одним общеарийским племенем⁵. «Развалины» или «осколки» той глубокой старины до сих пор хранят детали простонародного быта, крестьянские обряды, но главными свидетельствами той

«темной эпохи» являются язык, остатки мифологии, пословицы, сказки и песни. Задача историка литературы, рассматривающего литературный процесс прежде всего как эволюцию народной культуры, состоит в том, чтобы разобраться в этом старинном предании, найти возможность объяснить смысл того, что в раздробленном и порой измененном до неузнаваемости виде продолжает являться свидетельством самобытной духовной жизни народа [12, с. 404, 405].

Миф и сказка, краткие заговоры и клятвы, пословицы, поговорки, приметы и народные суеверия являются разрозненными членами некогда единого цельного связного – всеобъемлющего – эпического предания, которое служило совокупным выражением коллективного сознания [12, с. 407, 412–414; 13, с. 308] народа. В своих архаических пластах этот первоначальный эпос доходит до арийского праязыка⁶. Чем глубже погружается исследователь в старину, тем разительнее наблюдаемое им сходство преданий и верований родственных народов, которые в последующем своем самостоятельном развитии удаляются друг от друга и начинают различаться «национальными свойствами» [5, с. 356]. Чем более развита национальность, тем дальше она уклоняется от общего «индоевропейского сродства» в языке, мифологии, предании, сохраняя при этом в своей народной словесности ориентиры на общечеловеческие ценности, воспитанные «общим историческим происхождением» [12, с. 252, 253].

В народном предании нет ничего произвольного и случайного, потому что оно отражает цельность народного быта и нравственно чистого общенародного мирозерцания, покоится на испытанных веками и проверенных многими поколениями заветах предков, служит выражением принадлежащих всему народу мыслях и чувствах. Все личное и ложное в процессе исторического развития было отброшено инстинктом добра и правды [12, с. 405, 408].

Древнейшая словесность любого народа имеет преимущественно поэтический характер, хотя и охватывают не одну только художественную деятельность народа и не всегда выражается в мерной и ритмичной речи. Поскольку в самые архаичные времена «слово и мысль в языке [были – М. Н., Т. П.] тождественны», то и поэзия представляла «общее выражение всех понятий, убеждений... мысли вообще» [14, с. 5].

Исходный хронологический рубеж поэтического творчества точно назвать невозможно: он «теряется в темной доисторической глубине, ко-

гда созидался сам язык... самая решительная и блистательная попытка человеческого творчества» [14, с. 1].

Слово и есть «самое главное и самое естественное орудие предания» [14, с. 1], оно – первоисточник поэтического творчества, универсальная форма творческой деятельности людей, первооснова духовного развития народа.

Даже в доисторический период – естественную среду своего возникновения – слово не являлось случайной комбинацией звуков. Оно было художественным образом, в котором сохранялись впечатления народа от наблюдений за окружающим миром и человеческим обществом. В первых своих очертаниях содержание образа сосредоточивалось в корне слова. По мере накопления опыта в словообразовании и совершенствовании способов описания впечатлений, что совпадало и с усложнением общественного быта, первичный образ стал разрастаться в верование, в идею божественной силы, незримо присутствовавшей в видимом мире. К вере, религии, обряду восходили все последующие творческие процессы языка, участвовавшие в удовлетворении духовных потребностей людей: в коллективном сознании сначала зародились мифы, вся совокупность видов народной поэзии, незыблемые житейские и нравственные правила; позже они уже в виде обычаев и преданий, вновь получавших воплощение в языке – «духовном деятеле», – стали передаваться из поколения в поколение [9, с. 271, 282; 14, с. 6].

По мере умственного и нравственного совершенствования народа усложнялся и технический способ словотворчества. Корни слов начали обрастать этимологическими и фонетическими новообразованиями; первичное значение слова разветвлялось, создавая системы производных значений; складывалась синонимическая и омонимическая лексика, выражавшая оттенки и соотношение впечатлений и явлений. Эти изменения в языке превратили его в древнейший памятник доисторической жизни народа, художественную и историческую летопись, отразившую нравственные и духовные основы национальности [17, с. 226].

Если началом народности, ее «основным словом» являлся язык, то началом национальности следует считать эпическую поэзию, как и язык, возникшую в «таинственной глубине духа народного» [10, с. 596, 597] и так же, как язык, выражавшую эпическое (мифологическое) сознание народа. Понимание фактов, событий, яв-

лений, целых эпох определяется этим господствовавшим в глубокой старине и отдаленных временах языческих верований типом сознания, поэтому изучение языка, явлений природы, бытий общественной жизни немыслимо вне мифологических воззрений народа. Язык и мифология составляют единое духовное наследие доисторических народов [5, с. 356; 11, с. 378–380; 12, с. 407, 412–414].

Религия, ставшая «господствующей силой» народного творчества, вызвала к жизни самый ранний вид народной поэзии – миф, а внутри процесса мифотворчества – теогонический эпос. Впоследствии, когда миф начал усложняться сказаниями о подвигах исторических лиц, теогонический эпос, эмансипируясь от народной мифологии, сменился героическим, который также со временем уступил место историческим рассказам. Этот выход из прочного круга собственно мифологического творчества наблюдается у народов в периоды сильных исторических переворотов. Пережитые потрясения способствовали выделению из мифа былины – самого яркого выражения исторического сознания народа или исторической песни; из былины в дальнейшем отпочковалась сказка как «подновленный» эпизод народного творчества. На последнем этапе развития народной поэзии сказка переходит в новеллу, смыкаясь с повестью и нравоучительной басней. Под влиянием книжного просвещения процесс эпического развития может быть завершен возникновением духовных стихов и рассказов религиозного содержания [1, с. 62; 11, с. 378, 383, 390–399].

Произведения народной словесности как результат безыскусного народного творчества отличаются от позднейшей письменной, или «искусственной», литературы, которая характеризует более высокую ступень культурно-исторического развития народов, – они уже миновали стадию зарождения основ национальности в языке, мифе и всех «бессознательно» созданных формах эпической поэзии. В «искусственной» поэзии нет привлекательной цельности общенародных мыслей и чувств – она представляет собой результат личного знания и таланта, «произвола» авторской фантазии. Поэт-«индивидуалист» также отличается от эпического певца. Последний все время ощущает власть предания и обычая; содержание его рассказов идет из старины и даже кажущиеся его изобретениями поэтические украшения (в виде метафор, эпитетов, сравнений) относятся к общенародному поэтическому

преданию [10, с. 595, 596; 11, с. 372–380; 14, с. 50–54].

Сравнительно-исторический анализ «сокровенных духовных начал» народа позволяет отделить «первобытную старину» от «позднейших подновлений», выявить «двоеверный» (переходный, языческо-христианский) период народного мировоззрения, распознать в памятниках христианской письменности языческие корни, показать результаты «совместной работы новых культурных влияний» и самородного предания [5, с. 366; 12, с. 433–437].

Предложенный Ф. И. Буслаевым курс истории литературы имел периодизацию, в которой он выразил «личный взгляд... на изучаемый материал», обобщил в «собственную систему» главные литературные явления в их последовательном развитии [6, с. 105, 106]. Первый период – доисторический, или языческий; второй – «начатки христианского просвещения в Древней Руси»; третий – «татарский» (от начала татарского вторжения и до середины XV в.); четвертый – «московский, объемлющий вторую половину XV века и XVI век»; пятый – «сближение Руси с Западом» («от начала XVII века и до Ломоносова»); шестой – «господство западноевропейских начал в русской литературе» (начало XVIII – середина XIX в.) [6, с. 106].

Ввиду того существенного обстоятельства, что для самого Ф. И. Буслаева «священное значение» имела именно «старина» [18, с. 140], что «девизом его дум» были «старина и народность» [7, с. 336], а «любимым предметом исследования» являлось народное творчество в архаический (доисторический) и древний (ранние цивилизации) периоды развития [20, с. 21], мы не будем вдаваться в подробности изложения всего курса истории литературы. Отметим лишь, что в полном и систематизированном виде новый академический курс был представлен автором цесаревичу Николаю Александровичу в лекциях, изданием которых занималось общество ревнителей русского исторического просвещения⁷.

В своей профессиональной деятельности Ф. И. Буслаеву, как мы уже отметили, не удавалось изложить весь собранный материал целиком и в течение одного учебного года вычитать его аудитории. Как и М. П. Погодин в свое время, Федор Иванович дробил новую дисциплину на специальные курсы, предлагая слушателям разные по тематике главы своего обширного исследования⁸.

Многое в концептуальном и содержательном планах курса истории литературы сегодня признано ошибочным или недоказуемым, если руководствоваться строго научными критериями. Кроме того, «все это теперь так просто и элементарно, – в конце своей жизни (начало XX в.) отмечал В. О. Ключевский. – Но усвоенные ввремя эти элементарные сведения о строении языка и его отношении к жизни народа оказали нам [имеются в виду выпускники Московского университета, связавшие свою жизнь с историческими и культурно-историческими исследованиями. – М. Н., Т. П.] потом неоценимую услугу. Прежде всего, – подчеркивал прославленный русский историк, – мы обязаны Буслаеву тем, что он растолковал нам значение языка как исторического источника. Теперь это значение так понятно и общеизвестно; но тогда оно усваивалось с некоторым трудом...» [17, с. 225, 226] Профессор учил студентов читать древние памятники, разбирать значение, какое имели слова на языке своего времени, сопоставлять изучаемый памятник с другими, относившимися к тому же историческому периоду, и в ходе сравнительного анализа «приводить его в связь со всем складом жизни и мысли того времени» [17, с. 226], вспоминал В. О. Ключевский. Вовлеченные в самостоятельный исследовательский процесс, студенты превращались в свидетелей и участников создания «новой науки XIX века» – сравнительного изучения народности, постепенно усваивая совершенно «непривычные представления» и «новые воззрения» о народном мирозерцании, народной душе, народной психологии, и сами учились вычленять из «разрозненных членов эпического предания» сведения о развитии «народного духа и быта» индоевропейцев [17, с. 225, 226].

В. О. Ключевский особо обращал внимание на то, что и лекции, и сопровождавшие их труды Ф. И. Буслаева меняли привычные представления о «самородной народной словесности», в которой благодаря ему последователи стали искать следы народного бытия и мышления, а это, по его мнению, было важно не только филологам – пробужденный ученым интерес к народности дал толчок к зарождению «нового направления» научных изысканий в смежных областях знания, в том числе и в истории отечества [17, с. 226–229].

Материалы своего лекционного курса Ф. И. Буслаев публиковал в периодических изданиях, научных и научно-популярных сборниках в виде так называемых «монографий» [7, с. 335].

Для отечественной науки 50-х гг. они стали прозрением, «которое сразу покончило со всеми прежними наивными представлениями о народном творчестве и произвело коренной переворот в направлении... научной мысли» [18, с. 136].

Один из «самых преданнейших и вполне сочувствующих» его исследовательским новациям А. А. Котляревский, позже ставший профессором славянских наречий, старательно собрал все «крупные и мелкие» статьи Ф. И. Буслаева, систематизировал их в хронологическом порядке и на собственные средства издал в двухтомном сборнике «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» [7, с. 335, 336]. «По тридцати четырем “главам”, точнее монографиям, этого обширного издания в связанном подборе» не только специалисты, но и просто образованные читатели могли создать представление о развитии «основной мысли» ученого и его «методе исследования» [17, с. 224].

В первый том сборника вошли статьи Ф. И. Буслаева по общим вопросам народной словесности, древнерусской и западноевропейской средневековой литературы, во втором – преобладали статьи по истории древнерусского искусства, изучавшегося в сравнении с византийскими и европейскими образцами. Их объединяла главная тема, на протяжении десятилетий притягивавшая научную пылкость автора, – духовная жизнь русского народа в ее разнообразных проявлениях [20, с. 30]. О серьезном намерении автора проникнуть в нравственное и аксиологическое сознание предков, а также их мифологическое мышление свидетельствовал перечень взятых для изучения проблем: «мифические предания» о человеке и природе; эпическая поэзия и ее значение для культурно-исторических реконструкций доисторического прошлого; древнейшие эпические предания славянских племен; отражение эпического сознания в языческих и раннехристианских памятниках; связь традиционного церковного искусства с русской жизнью и литературой; византийская и древнерусская символика в рукописях; изображение Страшного суда в ранних памятниках итальянского искусства; художественная и научная оценка «Слова о полку Игореве».

Очевидно, что Ф. И. Буслаев не ограничивал свои исследовательские интересы только вниманием к отечественным образцам литературы и искусства. Интересуясь архетипическими формами сознания, с увлечением изучая проблемы мифа и мифотворчества, Ф. И. Буслаев ввел в

свои «монографии» сведения по истории литературы славянских и европейских народов: он подверг тщательному анализу сербские песни и сказки, скандинавскую «Эдду», «Песнь о Роланде», испанский народный эпос о Сиде и другие произведения народного творчества родственных русскому народу племен. В своих компаративных процедурах он обращал внимание на оригинальные трактовки генетически близких народов общего для них индоевропейского эпического предания и, следуя своим научным ориентирам, стремился через лингвистические интерпретации воссоздать общие черты архаического мировосприятия и широко понимаемого быта у связанных племенным родством потомков индоариев.

По мнению современников, материалы «Очерков» имели «высокое научное (для своего времени) и образовательное значение». Они демонстрировали «глубокое уважение к симпатии [автора. – М. Н., Т. П.] к народности», отличались «изящным, нередко художественным изложением» [20, с. 29]. Ценители творчества Ф. И. Буслаева отмечали наличие у исследователя «замечательного дара комбинации», которым он так напоминал «своего великого учителя Гримма: построения Буслаева всегда в высшей степени остроумны, естественны и наглядны. В них сказывался в одно и то же время и в высшей степени ясный, спокойный ум, и тонкое поэтическое чутье» [18, с. 139, 140].

Ф. И. Буслаев мог по праву гордиться результатами изучения народной словесности и своими культурно-историческими реставрациями. «Ни одно из моих изданий, – сообщал он в “Воспоминаниях”, – ни прежде, ни после не имело такого успеха в периодической печати, какой выпал на долю моим “Историческим очеркам русской народной словесности и искусства”... Во мне признали дельного профессора и образованного человека. Академия наук именно за эти два тома почтила меня званием ординарного академика, а совет Московского университета возвел в степень доктора русской литературы» [7, с. 355, 356]⁹.

Библиографический список

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики [Текст] : в 2 т. – Т. 2 / М. К. Азадовский. – М., 1963.
2. Афанасьев, А. Н. Московский университет (1844–1848 гг.) [Текст] / А. Н. Афанасьев // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 249–280.
3. Бонгард-Левин, Г. М., Грантовский, Э. А. Древние арии: мифы и история. От Скифии до

Индии [Текст] / Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. – СПб., 2014.

4. Будде, Е. О заслугах Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя: Речь, читанная в торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года [Текст] / Е. Будде // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. – М., 1992. – С. 480–493.

5. Буслаев, Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 355–376.

6. Буслаев, Ф. И. Лекции Ф. И. Буслаева Е. И. В. Наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860 гг.) [Текст] / Ф. И. Буслаев // Старина и новизна: исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. – М., 1904. – Кн. 8. – С. 97–375.

7. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания [Текст] / Ф. И. Буслаев; Изд. В. Г. фон Бооля. – М., 1897.

8. Буслаев, Ф. И. О сродстве одного русского заклания с немецким, относящимся к эпохе языческой [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 250–256.

9. Буслаев, Ф. И. Песни «Древней Эдды» о Зигурде и Муромская легенда [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 269–300.

10. Буслаев, Ф. И. Повесть о Горе и Злочасти, как Горе-Злочастье довело молодца во иноческий чин [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 548–643.

11. Буслаев, Ф. И. Русская поэзия XI и начала XII века [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 377–400.

12. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 401–454.

13. Буслаев, Ф. И. Славянские сказки [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 308–354.

14. Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 1–77.

15. Кирпичников, А. Буслаев как основатель истории всеобщей литературы [Текст] / А. Кирпичников // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – М., 1898. – С. 54–60.

16. Ключевский В. О. Московский университет в письмах и записках [Текст] / В. О. Ключевский // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 420–435.

17. Ключевский, В. О. Ф. И. Буслаев как преподаватель и исследователь [Текст] / В. О. Ключевский //

Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 223–229.

18. Ляцкий, Е. Значение трудов Ф. И. Буслаева по народной словесности [Текст] / Е. Ляцкий // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – С. 129–147.

19. Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук [Текст] (т. III, ч. 1, А–Л. – Пг., 1915 // Чурмаева Н. В. Ф. И. Буслаев. – М., 1984. – С. 109, 110.

20. Миллер, Вс. Памяти Федора Ивановича Буслаева [Текст] / Вс. Миллер // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – С. 5–42.

21. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 3–43.

22. Перфилова, Т. Б. «Ученое сословие» России в правовом пространстве уставов Императорских университетов [Текст] / Т. Б. Перфилова. – Ярославль, 2014.

23. Русское и славянское языкознание в России середины XVIII–XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников) [Текст]. – Л., 1980.

24. Сакулин, П. В. В поисках научной методологии. Ф. И. Буслаев [Текст] / П. Сакулин // Голос минувшего. – 1919. – № 1–4. – С. 5–30.

25. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения [Текст]. – СПб., 1864. – Т. 2, Отд. 2. – № 1127. – С. 942, 943.

26. Смирнов, С. В. Федор Иванович Буслаев [Текст] / С. В. Смирнов. – М., 1978.

27. Чемоданов, Н. С. Сравнительное языкознание в России. Очерк развития сравнительно-исторического метода в русском языкознании [Текст] / Н. С. Чемоданов. – М., 1956.

28. Чурмаева, Н. В. Ф. И. Буслаев [Текст] / Н. В. Чурмаева. – М., 1984.

Bibliograficheskiy spisok

1. Azadovskij, M. K. Istorija ruskoj fol'kloristiki [Текст] : в 2 т. – Т. 2 / М. К. Azadovskij. – М., 1963.

2. Afanas'ev, A. N. Moskovskij universitet (1844–1848 gg.) [Текст] / A. N. Afanas'ev // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov / sost. Ju. N. Emel'janov. – М., 1989. – С. 249–280.

3. Bongard-Levin, G. M., Grantovskij, Je. A. Drevnie arii: mify i istorija. Ot Skifii do Indii [Текст] / G. M. Bongard-Levin, Je. A. Grantovskij. – СПб., 2014.

4. Budde, E. O zaslugah Buslaeva kak uchenogo lingvista i prepodavatelja: Rech', chitannaja v torzhestvennom zasedanii Kazanskogo obshhestva arheologii, istorii i jetnografii 28 sentjabrja 1897 goda [Текст] / E. Budde // Buslaev F. I. Prepodavanie otechestvennogo jazyka. – М., 1992. – С. 480–493.

5. Buslaev, F. I. Drevnejšie jepicheskie predanija slavjanskih plemen [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki ruskoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – СПб., 1861. – С. 355–376.

6. Buslaev, F. I. Lekcii F. I. Buslaeva E. I. V. Nasledniku cesarevichu Nikolaju Aleksandroviču

(1859–1860 гг.) [Текст] / F. I. Buslaev // *Starina i novizna: istoricheskij sbornik, izdavaemyj pri obshhestve revnitelej russkogo istoricheskogo prosveshhenija v pamjat' imperatora Aleksandra III.* – M., 1904. – Kn. 8. – S. 97–375.

7. Buslaev, F. I. *Moi vospominanija* [Текст] / F. I. Buslaev ; Izd. V. G. fon Boolja. – M., 1897.

8. Buslaev, F. I. *O srodstve odnogo russkogo zakljatija s nemeckim, odnosjashhimsja k jepohe jazycheskoj* [Текст] / F. I. Buslaev // *Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva.* – T. 1. – S. 250–256.

9. Buslaev, F. I. *Pesni «Drevnej Jedy» o Zigurde i Muromskaja legenda* [Текст] / F. I. Buslaev // *Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki...* – T. 1. – S. 269–300.

10. Buslaev, F. I. *Povest' o Gore i Zlochastii, kak Gore-Zlochastie dovelo molodca vo inocheskij chin* [Текст] / F. I. Buslaev // *Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki...* – T. 1. – S. 548–643.

11. Buslaev, F. I. *Russkaja poezija XI i nachala XII veka* [Текст] / F. I. Buslaev // *Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki...* – T. 1. – S. 377–400.

12. Buslaev, F. I. *Russkij narodnyj jepos* [Текст] / F. I. Buslaev // *Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki...* – T. 1. – S. 401–454.

13. Buslaev, F. I. *Slavjanskije skazki* [Текст] / F. I. Buslaev // *Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki...* – T. 1. – S. 308–354.

14. Buslaev, F. I. *Jepicheskaja poezija* [Текст] / F. I. Buslaev // *Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki...* – T. 1. – S. 1–77.

15. Kirpichnikov, A. *Buslaev kak osnovatel' istorii vseobshhej literatury* [Текст] / A. Kirpichnikov // *Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva.* – M., 1898. – S. 54–60.

16. Ključevskij, V. O. *Moskovskij universitet v pis'mah i zapiskah* [Текст] / V. O. Ključevskij // *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov.* – S. 420–435.

17. Ključevskij, V. O. *F. I. Buslaev kak prepodavatel' i issledovatel'* [Текст] / V. O. Ključevskij // *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov.* – S. 223–229.

18. Ljackij, E. *Znachenie trudov F. I. Buslaeva po narodnoj slovesnosti* [Текст] / E. Ljackij // *Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva.* – S. 129–147.

19. *Materialy dlja biograficheskogo slovarja dejstvitel'nyh chlenov Akademii nauk* [Текст] (t. III, ch. 1, A–L. – Pg., 1915 // Churmaeva N. V. F. I. Buslaev. – M., 1984. – S. 109, 110.

20. Miller, Vs. *Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva* [Текст] / Vs. Miller // *Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva.* – S. 5–42.

21. *Obshhij ustav Imperatorskich rossijskich universitetov* [Текст] // *Universitetskij ustav 1863 goda.* – SPb., 1863. – S. 3–43.

22. Perfilova, T. B. *«Uchenoe soslovie» Rossii v pravovom prostranstve ustavov Imperatorskich universitetov* [Текст] / T. B. Perfilova. – Jaroslavl', 2014.

23. *Russkoe i slavjanskoe jazykoznanie v Rossii serediny XVIII–XIX vv. (v biograficheskikh ocherkah i vospominanijah sovremennikov)* [Текст]. – L., 1980.

24. Sakulin, P. V. *Poiskah nauchnoj metodologii.* F. I. Buslaev [Текст] / P. Sakulin // *Golos minuvshego.* – 1919. – № 1–4. – S. 5–30.

25. *Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija* [Текст]. – SPb., 1864. – T. 2, Otd. 2. – № 1127. – S. 942, 943.

26. Smirnov, S. V. *Fedor Ivanovich Buslaev* [Текст] / S. V. Smirnov. – M., 1978.

27. Chemodanov, N. S. *Sravnitel'noe jazykoznanie v Rossii. Oчерk razvitija sravnitel'no-istoricheskogo metoda v russkom jazykoznanii* [Текст] / N. S. Chemodanov. – M., 1956.

28. Churmaeva, N. V. *F. I. Buslaev* [Текст] / N. V. Churmaeva. – M., 1984.

¹ С 1850 г., когда Высочайшим повелением Николая I были упразднены кафедры истории философии и метафизики как средоточие «опасных» для мировоззрения и нравственности студентов дисциплин, начались преобразования философских факультетов университетов. На базе философских факультетов были созданы историко-филологические и физико-математические факультеты. По уставу 1863 г. каждый университет должен был иметь четыре факультета: историко-филологический, состоявший из трех отделений (исторического, славяно-русской филологии и классического), физико-математический, юридический и медицинский [21, гл. I, § 1,2; 25, с. 942, 943].

² «Палеографические и филологические материалы для истории писем славянских, собранные из 15 рукописей «Московской синодальной библиотеки» (1855); «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858), «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» (1861).

³ Под этим названием пять раз переиздавалось учебное пособие для преподавателей «Опыт исторической грамматики русского языка» [23, с. 137].

Этот труд, по отзывам современников, стал классическим [4, с. 488].

Помимо систематизированной методики чтения и изучения русского церковнославянского языков, вспоминал Е. Ф. Будде, «Буслаев дал нам образец такой грамматики, которая действительно являлась грамматикой нашей национальной речи... Своим глубоким проникновением в дух и свойства русского языка он оторвал нашу грамматику от тех схоластических упражнений на грамматические темы, в которых русская грамматика принимала вид грамматики какого-то латинского или греческого языка. Грамматика Буслаева представляет из себя блестящее доказательство справедливости тех его мыслей... что «все языки самостоятельны и ни один из них не происходит из другого», что «в самую раннюю эпоху своего бытия народ имеет уже все главнейшие основы своей национальности в языке»» [4, с. 489].

Е. Ф. Будде утверждает, что многочисленные языковедческие работы Ф. И. Буслаева превратили его в конце 50-х гг. XIX в. в «самого крупного представителя науки о русском языке» [4, с. 488].

⁴ Примером «наивности и неясности» представлений об этом курсе, который мог читаться с «патристическим экста-

зом», служит приводимая ниже цитата из книги А. В. Терещенко «Быт русского народа» (1848): «Оставив людские страсти, которые мы относим к понятиям века, нам усладительно вспомнить, что предков жизнь, не связанная условиями многосторонней образованности, излилась из сердечных их ощущений, истекла из природы их отчизны и этим напоминает патриархальная простота, которая столь жива в их действиях, что как будто это было в каждом из нас». – Цит. по: [18, с. 136].

⁵ В настоящее время этот вывод Ф. И. Буслаева, отражавший состояние палеолингвистики XIX в., признан ошибочным.

Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский утверждают, что термин «арии» может быть употреблен только для обозначения индоиранских племен и народов, которые были частью «индоевропейского единства»: имевшее распространение в расистской литературе одиозное применение термина «арии», «арийцы» в отношении всех индоевропейских народов не имеет под собой научной основы» [5, с. 13, 163, 166–168].

⁶ Праязыком всех индоевропейцев, включая ариев, был «единый язык», общий всем близкородственным индоевропейским народам. Согласно современным лингвистическим

исследованиях, наиболее тесными были связи ариев с протогреками, протоармянами, предками славян и балтов [5, с. 11, 172].

⁷ Ф. И. Буслаев был приглашен к наследнику Александра III для «преподавания его высочеству... истории русской словесности в том ее значении, как она служит выражению духовных интересов народа» [7, с. 330].

Этой высокой чести он был удостоен за результаты его исследовательской деятельности (там же). Имя Ф. И. Буслаева, хорошо известное в ученом мире, составляло славу филологического факультета, который с середины 50-х гг. считался лучшим в Московском университете [2, с. 279].

Ф. И. Буслаев работал с «Августейшим учеником» в 1859–1860 гг. [7, с. 338].

⁸ Так, В. О. Ключевский в 1861 г. слушал курс под названием «История древней русской словесности в связи с современным ей состоянием западных литератур того или другого века» [16, с. 424].

⁹ Ф. И. Буслаев был избран ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности в июне 1860 г. Степенью доктора русской словесности совет Московского университета удостоил его в 1867 г. [19, с. 109, 110].